

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст.
 Выполните целостный анализ предложенного произведения. Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа.
 Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Викентий Викентьевич Вересаев (1867–1945)

МАТЬ

Из записной книжки

Сегодня утром я шёл по улицам Старого Дрездена. На душе было неприятно и неловко: шёл я смотреть её, прославленную Сикстинскую мадонну. Ею все восхищаются, ею стыдно не восхищаться. Между тем бесчисленные снимки с картины, которые мне приходилось видеть, оставляли меня в совершенном недоумении, чем тут можно восхищаться. Мне нравились только два ангелочка внизу. И вот, — я знал, — я буду почтительно стоять перед картиною, и всматриваться без конца, и стараться наташить на себя соответственное настроение. А задорный бесёнок будет подсмеиваться в душе и говорить: «Ничего я не стыжусь, — не нравится, да и баста!..»

Я вошёл в Цвингер (1). Большие залы, сверху донизу увешанные картинами. Глаза разбегаются, не знаешь, на что смотреть, и ищешь в путеводителе спасительных звёздочек, отмечающих «достойное». Вот небольшая дверь в угловую северную комнату. Перед глазами мелькнули знакомые контуры, яркие краски одежд... Она! С неприятным, почти враждебным чувством я вошёл в комнату.

Одиночко в большой, идущей от пола золотой раме, похожей на иконостас, высилась у стены картина. Слева, из окна, полу занавешенного малиновою портьерою, падал свет. На диванчике и у стены сидели и стояли люди, тупо-почтительно глазея на картину. «Товарищи по несчастью!» — подумал я, смеясь в душе. Но сейчас же поспешил задушить в себе смех и с серьёзным, созерцающим видом остановился у стены.

И вдруг — незаметно, нечувствительно — всё вокруг как будто стало исчезать. Исчезли люди и стены. Исчез вычурный иконостас. Всё больше затуманивались, словно стыдясь себя и чувствуя свою ненужность на картине, старик Сикст и кокетливая Варвара. И среди этого тумана резко выделялись два лица — Младенца и Матери. И перед их жизнью всё окружающее было бледным и мёртвым... Он, поджав губы, большими, страшно большими и страшно чёрными глазами пристально смотрел поверх голов в даль. Эти глаза видели вдали всё: видели вставших на защиту порядка фарисеев, и предателя друга, и умывающего руки чиновника-судью, и народ, кричащий: «Распни его!» Да, он видел этим проникающим взглядом, как будет стоять под терновым венцом, исполосованный плетьями, с лицом, исковерканым обидою, животною мукою, как там, через несколько зал, на маленькой картине Гвидо Рени...

И рядом с ним — она, серьёзная и задумчивая, с круглым девическим лицом, со лбом, отуманенным дымкою предчувствия. Я смотрел, смотрел, и мне казалось: она живая, и дымка то надвигается, то сходит с её молодого, милого лица... А в уме бессмысленно повторялось начало прочитанной внизу подписи...

«Fece Rafaello a'monaci neri...» (2)

Из мёртвого тумана женский голос спрашивал по-немецки:

— Что это там внизу, яйцо?

• Мужской голос отвечал:

— Это папская тиара.

А дымка проносилась и снова надвигалась на чистый девический лоб. И такая вся она была полная жизни, полная любви к жизни и к земле... И всё-таки она не прижимала сына к себе, не старалась защитить от будущего. Она, напротив, грудью поворачивала его навстречу будущему. И серьёзное, сосредоточенное лицо её говорило: «Настали тяжёлые времена, и не видеть нам радости. Но нужно великое дело, и благо ему, что он это дело берёт на себя!» И лицо её светилось благоговением к его подвигу и величавою гордостью. А когда свершится подвиг... когда он свершится, её сердце разорвётся от материнской муки и изойдёт кровью. И она знала: это...

Вечером я сидел на Брюлевской террасе. На душе было так, как будто в жизни случилось что-то очень важное и особенное. В воздухе веяло апрельскою прохладою, по ту сторону Эльбы береговой откос зеленел весеннюю травкою. Запад был затянут оранжевою дымкою, город окутывался голубоватым туманом. По мосту через Эльбу, высоко, как будто по воздуху, пронёсся поезд, выделяясь чёрным силуэтом на оранжевом фоне зари.

Я сидел, и вдруг светлая, поднимающая душу радость охватила меня – радость и гордость за человечество, которое сумело воплотить и вознести на высоту такое материнство. И пускай в мёртвом тумане слышатся только робкие всхлипывания и слова упрёка, – есть Она, есть там, в этом фантастическом четырёхугольнике Цвингера. И пока она есть, жить на свете весело и почётно. И мне, неверующему, хотелось молиться ей.

Темнело. Я шёл через площадь. На небе рисовались два чёрные, как будто закоптелые шпица церкви св. Софии. Вот он и молчаливый Цвингер. Окна темны, внутри тишина и безлюдье. И мне стало странно: неужели и в той комнате может быть темно, неужели её лицо не светится?

1903

(1) Дворец в Дрездене.

(2) «Сделано Рафаэлем для чёрных монахов» (итал.).

Опорные вопросы

Обратите внимание на жанровые особенности произведения.

Как изображение событий соотносится с размышлениями повествователя, с общими закономерностями жизни?

Какова роль предметной детализации в повествовании? Какое значение получают «случайные», сюжетно не мотивированные подробности?

Какие детали, выделены и намеренно соотнесены друг с другом?

Почему, на ваш взгляд, текст назван «Мать»?

Владимир Щировский

На отлёт лебедей

Некогда мощны, ясны и богаты,
Нынешних бойких быстрот далеки,
Негоцианты и аристократы
Строили прочные особняки.
Эллинство хаты! Содомство стёлицы!
Бред маскарадных негаданных встреч!
Эмансирированной теремницы
Смутно-картавая галльская речь!
Лист в Петербурге и Глинка в Мадриде,
Пушкин. Постройка железных дорог;
Но ещё беса гоняют — изыди;
Но департамент геральдики строг.
После — стада волосатых студентов
И потрясателей разных стропил,
Народовольческих дивертишментов
И капитана Лебядкина пыл...
Век был — экстерн, проходимец, калека;
Но простило на лоне веков
Тонкое детство двадцатого века:
Скрябин, Эйнштейн, Пикассо, Гумилёв.
Стоило ль, чахлую вечность усвоив,
Петь Диониса у свинских корыт?
А уж курсисточки ждали героев
И «Варшавянку» пищали навзрыд.
Нынче другое: жара, пятилетка
Да городской южно-русский пейзаж:
Туберкулезной акации ветка,
Солнце над сквером... Но скука всё та ж.
Древняя скука уводит к могилам,
Кутает сердце овчиной своей.
Время проститься со звёздным кормилом
Под аполлоновых лёт лебедей.
Кажется сном аполлонова стая,
Лебедям гостеприимен зенит.
Лебедь последний в зените истаял,
Дева прохожая в небо глядит.
Девушка, ах! Вы глядите на тучку.
Внемлите птичке... Я вами пленён.
Провинциалочка! Милую ручку
Дайте поэту кошмарных времён.
С вами всё стало б гораздо прелестней.
Я раздобрел бы... И в старости, вдруг,
Я разразился бы песнею песней
О Суламифи российских калуг
Июль 1931, Харьков

Владимир Евгеньевич Щировский (1909—1941) — русский поэт, в советскую эпоху ориентировавшийся на традиции Серебряного века. Погиб в первые месяцы Великой Отечественной войны. При жизни не напечатал ни одного стихотворения.

Немногочисленные сохранившиеся произведения опубликованы в сборнике «Танец души. Стихотворения и поэмы» (М., 2008).

Опорные вопросы

Обратите внимание на жанрово-родовые особенности произведения.

Как обозначенные аллюзии соотносятся с размышлениями «Я», с общими закономерностями жизни?

Какова роль детализации в тексте?

Какие детали, выделены и намеренно соотнесены друг с другом?

Почему, на ваш взгляд, стихотворение названо «На отлет журавлей»?

Стихотворение „На отлет лебедей“ поэта Владимира Шуровского рассказывает о „капитальных временах“, о начале двадцатого века. Произведение имеет перекрестную рифму и остроею каллиграфию. Касание стихотворения — серое, будничное. Автор старается показать свет без „приукрас“. Влаине возможно миреческий герой не может соотнести свое „я“ с этими „капитальными временами“. Мне кажется спросил „Лебедей гостеприимных земель“ говорят о том, что автор хочет сделать из спроса, сравнивая себя с лебедем, которого макут землем, который в своем

демонизацию играет огромную роль в передаче касания тематики. Все детали произведения связана этой темой. Сразу в шлаг попадают: множество определений, кесарий, серости а также восхищаний на тему недовольства автора по отношению к птицы пасма двадцатого века.

20-15-7-7-4=53

Произведение Владимира Евгеньевича Шуровского оказалось для меня приятным открытием. Реалистичность написанного поэтом стихотворения поражает гипнозом, а касание, заданное этим произведением, заставляет задуматься о словесной ~~истории~~ Картины двадцатого века с художником ~~наименование~~ ~~Ильиной~~ Кирсановой.

Творческое задание

Представьте, что вам предложено создать музей одной книги. Обоснуйте выбор 2-3 экспонатов.

Оцениваться будет

- точность и уместность аргументирования, позволяющих читателю ясно представить себе художественное произведение,
- связность, оригинальность,
- смысловая завершенность, стилистическая выразительность текста, его обращенность к читателю с целью его заинтересовать/заинтриговать, речевая грамотность.

Будь у меня возможность создать музей одной книги, я бы выбрал небольшое, но атмосферное произведение, неизменно дающее воспоминания посетителям.

Этих произведений я выберу „Алтайские яблоки“

Ивана Бунина. Я имею в виду лёгкость и добродушие воспоминаний с изысканной прелестью, подавленные лишь этим произведением.

В качестве первого экспоната я бы постарался составить образ яблоневого сада начала осени. Это подарило бы гостям зрителю хорошее приятное впечатление и настроило бы на погружение в воспоминания.

Вторым экспонатом стала бы коллекция деревенского деликатесов, представленная предметами той эпохи. Я бы хотел, что-бы в будущем музей человек погружался не только в произведение Бунина, но и в свои воспоминания. Ведь у каждого из нас они есть. Вспомнил о осени, о беззаботной юности, о родной деревне, о сибирских лесах. Каждый человек вспоминает то, что ему дорого.

$$6 - 4 - 3 = 13$$